

**НАРОДНАЯ ДУХОВНАЯ ПОЭЗИЯ –
ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК ХРИСТИАНСКИХ МОТИВОВ
В ПОЭЗИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**

И. Г. Рябий

По словам современного исследователя В.А. Котельникова: «Лермонтов был всегда сосредоточен на религиозно-метафизической проблематике: вопросах веры, Божьего суда, спасения, вечного блаженства, возможности примирения в человеке духовного и чувственного начала, теме сверхчеловеческой мощи, Божественной силы – все это центральные мотивы в его мирозерцании» [2: 3–10]. Эта сосредоточенность на религиозной метафизике была отмечена уже первыми исследователями творчества М. Ю. Лермонтова. Правда, в советский период лермонтоведы предпочитали обходить стороной религиозные мотивы, и тем не менее в Лермонтовскую энциклопедию (1981) были включены статьи под названиями: «Религиозные мотивы», «Библиейские мотивы», «Богоборческие мотивы», «Демонизм». В последние же пятьдесят лет изучению религиозной образности в творчестве Лермонтова обращались многие исследователи, среди них: М. И. Виноградов, М. М. Дунаев, В. А. Котельников, Н. И. Милевская, А. В. Моторин, И. П. Щеблыкин. Такой интерес обусловлен в первую очередь неоднозначностью и сложностью религиозной позиции Лермонтова.

С одной стороны, исследователи отмечали частое использование поэтом образов райского блаженства – Богородицы, с другой – темы богоборчества. Лермонтов осознавал, что «Есть рай небесный!» и «тесный путь спасения», что от воли человека зависит его судьба в вечности. Бог для него был реальностью. Но поэт не мог смириться с необходимостью смерти: «Мне любить до могилы творцом суждено, / Но по воле того же творца / Всё, что любит меня, то погибнуть должно, / Иль как я же страдать до конца» («Стансы», 1831). С точки зрения христианства, смысл жизни – в смирении перед судьбой, у Лермонтова мы находим протест и бунтарство. Он кощунствует, обвиняет Бога несправедливым мироустройстве. С молитвой в поэзии у Лермонтова соседствует антимолитва.

Неоднозначность, противоречивость, неортодоксальность в трактовке многих библиейских образов, сюжетов и самой религиозной позиции Лермонтова давали повод к полемике об особенностях Лермонтовского мирозерцания. Конечно, можно было все списать на увлеченность поэта произведениями европейских романтиков, активно обращавшихся к библиейским образам и трансформирующим их по-своему. Например, М. М. Дунаев пишет следующее: «Лермонтовская демонология вообще странна, запутана, так что поверять ее святоотеческим пониманием бесовского начала не имеет смысла: между ними не столь много общего... Расплывчатость подобных образов, помимо прочего, связано и с романтическим настроением автора, особенно в ранний период его творчества. Он романтик, и его строками так легко иллюстрировать всякий разговор о романтизме» [1: 116].

О религиозном воспитании и возможных истоках лермонтовской веры написано достаточно. В статье И. П. Роднянской в Лермонтовской энциклопедии сказано следующее: «Жизненно-поэтическое мышление Лермонтова, с детства соприкасавшееся с религиозно-молитвенным обиходом в доме своей бабушки, было приобщено к кругу образов «Писания» и христианского культа даже в большей мере, чем умозрение многих других крупных фигур романтизма. Так, Лермонтову чужд внебиблейский пантеизм иенских романтиков или П. Б. Шелли, увлечение магической стихией у первых и интерес к античному мифу у второго (например, образ Прометея). Его внутренняя жизнь протекает как бы в присутствии и перед взором личного Бога Библии...» [4: 59]. Роднянская очерчивает круг наиболее интересующих его ветхозаветных и новозаветных тем. Среди них исследовательница отмечает восприимчивость Лермонтова к апокрифическим образам, имея в виду обширную «ангелологию» и «демонологию» [4: 61].

Таким образом, сомнения одного из исследователей XIX века А. А. Царевского, задававшегося вопросом «Совместимы ли понятия религиозности и народности Лермонтова?», представляется разрешаемым. Дело в том, что иным возможным источником интереса Лермонтова к Библии, могла быть и народная среда. Именно она являлась резервуаром многочисленных апокрифических сюжетов и образов, которые легли в основу народных легенд и духовной поэзии. «В имении бабушки он вместе с дворней участвовал в традиционных деревенских развлечениях, слушал песни и сказки о диковинных волжских разбойниках <...> Эти непосредственные детские впечатления позднее углублялись и превращались в сознательный интерес к народному поэтическому искусству. В Московском благородном пансионе Лермонтов был учеником Д. Н. Дубенского, большого знатока русских народных песен. На уроках по литературе Дубенский широко цитировал песни, анализировал их стиль, прививая тем самым своим воспитанникам любовь к народной поэзии, способность понимать ее идейные и художественные ценности. Другим наставником Лермонтова был А. Ф. Мерзляков. В биографии Лермонтова можно найти и другие важные факты, подтверждающие его интерес к народным песням... [3]. Во времена Лермонтова хорошо, например, были известны фольклорные сборники Кирши Данилова, Петра Киреевского, в которые были включены и духовные стихи, возникшие под непосредственным влиянием христианства из Св. Писания, из житий св., а также и из апокрифов. Именно духовные стихи впитали в себя все противоречия в мировоззрении русского народа, отразив его религиозное видение мира. Об этом есть специальное исследование Г. П. Федотова. По его мнению: «Русские сектанты много способствовали сохранению и распространению духовной поэзии: в свои сборники они охотно вносят стихи об Иосифе, Плач Адама, канты о потопе и пр. так, как они распевались старцами; другие стихи, напр. о царевиче Иоасафе, об Аллилуевой жене и, в особенности о страшном суде и о пришествии антихриста они видоизменяют сообразно своим идеям...» [6: 11–19].

В этом отношении интересно сопоставить народную космогонию, христология которой, по словам Федотова, была существенно трансформирована с божественной картиной мира, представленной в поэзии Лермонтова.

В центре вселенной, по народным представлениям, находится Иисус Христос, Царь грозный, Судья немилостивый, не ведающий снисхождения к грешникам. Распятие же связано не столько с идеей искупления, сколько воскресения и вознесения; при этом муки Христа поданы через восприятие Его страдающей Матери [5]. Милосердие и сострадание народ связывает с образами Богородицы и святых.

Бог в поэзии Лермонтова имеет двойственную характеристику. С одной стороны, Бог – Творец, а с другой стороны, Бог – Судья. Причем если в народной поэзии Христос выполняет функцию Отца, Бога-Вседержителя, то у Лермонтова он только Вседержитель или Творец. Иисус Христос у него практически отсутствует:

Стократ велик, кто создал мир! Велик!

(Кладбище)

...Всесильный бог,

Ты знал: я долее терпеть не мог;

Пускай меня обхватит целый ад...

(Смерть)

Вся внутренняя жизнь Лермонтова протекает как бы в присутствии и перед взором личного бога Библии, которого поэт именуется, в соответствии с книгой Бытия, «создателем мира», «творцом природы»:

Когда б в покорности незнанья

Нас жить Создатель осудил,

Неисполнимые желанья

Он в нашу душу б не вложил...

(«Когда б в покорности незнанья...»).

...Тогда смиряется души моей тревога,

Тогда расходятся морщины на челе,-

*И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...
(«Когда волнуется желтеющая нива...»).*

Но чаще всего в лирике Лермонтова, Бог предстает как грозный Судья, лишенный сочувствия. И хотя Бог представляется ему «всесильным», но это не полное всемогущество, так как существует противоположное ему демоническое начало, родственное земному:

*...Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоя струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя...
(«Молитва»)*

В духовных стихах также образ Христа связан с идеей конца света и Страшного суда. В духовном стихе «Свиток Иерусалимский» Христос посылает людям свое последнее предупреждение:

*...Яво (Христа) рукописание
Духом святым напечатано...
...Да не послушаете мои заповеди,
Разодвину я седьмое небо.
Спущу на вас камня горящую,
воду кипящую,
Побью вас камениями на земле...*

У Лермонтова звучит тема божьего суда, суда праведного и неподкупного в стихотворении «Смерть поэта».

*...Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед....*

В народной духовной поэзии встречается образ «книги жизни». «Голубиная книга» внушает священный трепет при раскрытии тайн, так как ее писал сам Иисус Христос. Название трактуется двояко: как книга «голубиная», то есть мудрая, глубокая по содержанию; и как книга, полученная от Святого Духа, символом которого в христианстве служит голубь:

*Восходила туча сильна, грозная,
Выпадала книга Голубиная,
И не малая, ни великая:
Долины книга сороку сажень.
Поперечины двадцати сажень.
Ко той книге ко божественной
Сходилися, соезжались...
(«Голубиная книга»)*

У Лермонтова также встречается образ занебесной «книги жизни»; где записаны судьбы народов и личные жребии живых и мертвых. Этот образ перешел в Апокалипсис («Откровение Иоанна» – заключительная книга Нового завета, пророчащая будущее) и в христианское молитвословие из ветхозаветных «пророческих» книг: «И увидел я, и вот, рука простерта ко мне, и вот, в ней книжный свиток. И он развернул его передо мною, и вот, свиток исписан был снаружи и внутри, и написано на нем: «плач, стон, и горе» (Ezekiel 2:10).

«И увидел я другого Ангела сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головой его была радуга, и лицо его как солнце, и ноги его как столпы огненные, в руке у него была книжка раскрытая. И я пошел к ангелу, и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне:

возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед» (Откровение от Иоанна 10.1–2,9).

Ср.:

*Вдруг передо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой... И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами...
(«Смерть»)*

Лирический герой стихотворения «Смерть» читает в книге свое осуждение, свой приговор – в адских мучениях духа наблюдать за разложением собственного тела.

В сборниках духовной поэзии часто встречаются стихи, посвящены умиранию. Они так и называются «Расставание души с телом». Этот процесс дан в виде беседы души с телом. Душа страдает от того, что служила тлену и теперь ей держать ответ за приверженность земному: «Расставалася, не прощалася, / Воротилася, поклонилася, / Слова молвила: / «Ты прости, прости, тело грешное, / Тело грешное, с земли взятое! / Уж тебе ли, телу, не на суд идти, / Не на суд идти к Судне Царю, / К Судие Царю, Хрясту Божию, / А идти тебе, телу грешному, / Телу грешному, праху смертному / Во сыру землю, землю-матушку...»

Интересно, что и у Лермонтова есть стихотворения (Ночь I, Ночь II, 1830 Майя. 16 число, Смерть), посвященные разлучению души с телом, где душа, вернувшаяся на землю, не может войти в сгнившее тело...

В духе Апокалипсиса написано «Предсказание» (1830). Оно ориентировано на библейскую книгу, содержащую рассказ-предсказание о конце света, когда будут твориться ужаснейшие разрушения по всей земле:

*Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь!
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать,
И зарево окрасит волны рек...
(«Предсказание»)*

Апокалипсические стихи в духовной народной поэзии насыщены несколько иными образами, но также свидетельствующими о разрушениях и гибели.

*...Ужаснется вся вселенная,
Померкнет красное солнышко,
Потемнеет светел месяц.
Престолы поставятся,
Все книги поразгибнутся...
(«Страшный суд»)*

Христианское представление о загробной жизни в народных стихах даны с постоянным нравоучительным акцентом: расплата за грехи неизбежна.

Отталкиваясь от оппозиции сфер духовного и земного, можно говорить о фатальности мотива грехопадения, его важном месте в поэзии Лермонтова. Страдания четко вписываются в рамки христианского объяснения мира, где человек должен телесно и духовно страдать, чтобы получить прощение свыше.

*Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу.*

(«Унылый колокола звон»)

В народной духовной поэзии внутренней пружиной является противоборство добра и зла. Прекрасная мати-пустыня, где спасается человек, противопоставлена прелестному, злому и грешному миру. Они, грешники *«Книг Божьих не читывали, / По писанному в них мы не дельвали, / Ко божьим церквам не прихаживали... / И к нищим мы были немилостивы.*

И в поэзии Лермонтова очень сильно выражена неудовлетворённость земным:

И не умею жить среди людей:

Я не имел ни время, ни охоты

Делить их шум, их мелкие заботы.

М. М. Дунаев точно заметил: «Порой создаётся впечатление, что лирический герой Лермонтова принял бы мир, когда бы он не был населен столь для него презренными и жалкими людьми. Там, где нет человека, там всё гармонично для поэта. В стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837) Лермонтов дает как бы развёрнутую картину мира Божиего, но этот мир – опять-таки «пустыня», как понимали это слово русские люди ещё в средние века: место, *пустое* от людей <...> Человек у Лермонтова внеположен природе, поскольку он чужд её гармонии и заложенной в ней истинной свободе [118].

Говоря о народном понимании основного догмата христианства – Пресвятой Троицы, Г. П. Федотов замечает, что «за троичным именем скрывается скорее основная религиозная двоица – мужского и женского божественных начал – Христа и Богородицы» [6, 32]. По сути, они и соотносятся как мужское и женское начало: Высшая карающая сила и сила Всепрощающая, скорбящая то по сыну, то по грешникам:

Мне и светлый рай стал нерадостен,

Небо ясное помрачилось:

Ко мне ангелы каждый час несут

Слезы горькие христианские;

И смутилась я, опечалилась!

Теперь к вам пришла в утешение,

Помолить за вас с вами Господа».

И вознесла Пречистая молитвенный глас

Ко своему Сыну ко распятому,

Всех людей благодетлю и защитнику:

«Сыне мой, Иисусе мой!

Услыши ты нас с высоты небес,

Защити и нас, грешных людей!»

В руках Богородицы был омофор святой:

Омофором тем покрыла она

Благодатным души скорбные.

(Покров)

У Лермонтова Образ Матери Божьей всегда идеален. Она – «теплая заступница мира холодного». Все лучшие молитвенные слова адресованы только к Ней. И в этом, несомненно, Лермонтов близок народному миру, ведь замечено, что русская молитва есть по преимуществу молитва к Богородице и только через Неё ко Христу.

Таким образом, сопоставление Лермонтовской поэзии с народными духовными стихами выявляет совпадение в трактовке библейских тем. Это позволяет предположить, что народная духовная поэзия могла быть одним из источников лермонтовского толкования Библии, его религиозной метафизики. Разумеется, что данная гипотеза требует основательной проработки и развития.

Литература

1. Дунаев, М. М. Михаил Юрьевич Лермонтов [Текст] / М. М. Дунаев // Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. – М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. – С. 111–134.

2. Котельников, В. А. О христианских мотивах у русских поэтов [Текст] / В. А. Котельников // Литература в школе. – 1994. – № 3. – С. 3–10.
3. Новикова, А. М. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX в. и народная песня : учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» [Текст] / А. М. Новикова. – М. : Просвещение, 1982.
4. Роднянская, И. Б. Библейские мотивы у Лермонтова [Текст] / И. Б. Роднянская ; гл. ред. В. А. Мануйлов // Лермонтовская энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – С. 59–61.
5. Солощенко, Л. Ф. Слова золотые [Электронный ресурс] / Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошин // Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. – М. : Московский рабочий, 1991. Режим доступа : www.booksite.ru/fulltext/gol/ubi/nay/akn/iga/1.htm
6. Федотов, Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам [Текст] / Г. П. Федотов. – М. : Прогресс, Гнозис, 1991.